

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 40
(2563)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья Делягина М. «В России лучше всего работать коррупционером – и выгодно, и безопасно», опубликованная на сайте газеты

«Завтра» 21.02.2025 г.

URL:

https://zavtra.ru/blogs/v_rossii_luchshe_vsego_rabotat_korruptcionerom_i_vigodno_i_bezопасно

Вологда
февраль 2025

В России лучше всего работать коррупционером – и выгодно, и безопасно

для ликвидации чиновничьей мафии нужно сделать два простых шага, и Россия легко удвоит свой бюджет

В массовом сознании коррупция стала едва ли не синонимом пореформенной российской государственности.

Не случайно при всей ее губительности и разрушительности, при всей ее вполне очевидной роли во всех уничтожающих Россию процессах – от миграции и открытого безнаказанного разжигания ненависти к русским в нашей стране до роста цен – государство категорически, десятилетиями отказывается менять порождающие ее нормы и правила.

Да, с коррупционерами бьются крайне эффектно, и отнюдь не только в преддверии выборов. Аресты, информация от следователей и иногда даже судебные процессы с реальными сроками вызывают в обществе всплески энтузиазма, которые по прошествии времени становятся все более смешными даже для их искренних участников.

Почему молнии и громы в адрес конкретных взяточников, даже включая губернаторов и заместителей министров, волшебным образом не затрагивают коррупцию как явление?

Насколько можно предположить, судя, например, по миграционной и в целом национальной политике, в государстве даже сложился влиятельный слой чиновников (в том числе, возможно, и лично честных), искренне считающих коррупцию основой государственного строя России.

И, раз так, объективная обязанность добросовестного чиновника – скорейшая замена носителей русской культуры, воспринимающей эту коррупцию как преступление, носителями иных культур, в силу глубины социальной катастрофы в регионах своего происхождения полагающих ее нормальной деловой транзакцией.

В самом деле: коррупция во власти, являющаяся по сути дела прямой государственной изменой, прямым предательством Родины, в целом трактуется и воспринимается правоохранительной системой как банальное хозяйственное преступление. Это уже само по себе является потрясающим поощрением коррупции, но этого мало!

В далеком 2003 году титаническими усилиями бюрократии была отменена конфискация имущества как мера наказания: конфисковывать стало возможно только средства преступления и непосредственно полученное в результате его совершения.

Это практически избавило коррупционеров от страха наказания: если они брали взятки достаточно долго, даже при разоблачении они теряли только одну, последнюю взятку. Полученные ранее средства позволяли им (и позволяют сегодня) эффективно противодействовать следствию, грамотно бороться в суде (а то и влиять на него), а если не получалось, – насколько можно

судить, покупать себе комфортные условия отбывания наказания, досрочное освобождение и богатую жизнь после него.

Демонстративный, под новостные телекамеры въезд при освобождении «левой руки Гайдара» – бывшего Министра экономического развития либерала Улюкаева – прямо на территорию колонии колонны роскошных лимузинов, в том числе и без номеров – представляется наглядной иллюстрацией цены закона в современных условиях.

Наконец, для еще большего повышения привлекательности коррупционной деятельности опять-таки очень давно, ещё в президентство Медведева была введена средневековая по своей сути норма, позволяющая пойманным коррупционерам обходиться штрафами, то есть платить за выявленную взятку из невыявленных.

На основании простого наблюдения за окружающей реальностью очень легко и логично экстраполировать сложившиеся тенденции в неопределенное будущее и констатировать, что «точка невозврата» в России пройдена, как и в Гаити, и поэтому нас ждет крах, который заставит завидовать нынешней Украине (конечно, бандеровский террор неизмеримо хуже мигрантского, однако гарантий сохранения этого нет).

Однако, если предположить пробуждение инстинкта самосохранения хотя бы значимой части управляющей Россией бюрократии и соответствующие политические изменения, окажется, что для кардинального изменения ситуации (и, соответственно, всей общественной динамики) необходимо лишь два шага – причем прекрасно известных и тщательно проверенных.

Каждый из них запускает режим самоочищения даже самых разложившихся, даже самых коррупционных управленческих механизмов.

Первый был сделан в Италии (правда, в результате за пять с половиной лет сменилось шесть правительств) и заключался, как ни парадоксально, в полном и автоматическом освобождении взяткодателя от всякой ответственности – разумеется, при условии сотрудничества со следствием и свидетельства в суде.

У нас есть подобная мера, но на практике она требует совпадения достаточно произвольных желаний судьи и следствия: суть же меры заключается именно в гарантированности безнаказанности взяткодателя, рассказывающего, кому и за что он дал взятку.

Это фокусирует всю ответственность на представителе государственного управления, разрушая круговую поруку участников коррупции и не просто уничтожая стимулы к его защите, но и превращая его в почти гарантированную жертву любой махинации.

Инициатором коррупции может быть и бизнесмен, – но сидеть будет чиновник.

Стоит напомнить, что у нас как минимум в ряде случаев заявлявшие о вымогательстве взятки предприниматели получали более суровое наказание, чем вымогавшие ее представители государства.

Данная мера позволила лишить мафию политической власти на севере и в центре Италии и существенно ослабить ее позиции на юге. Однако сама по себе она недостаточна и требует

дополнения вторым шагом, сделанным в США в рамках борьбы с оргпреступностью (так как коррупция во власти всегда мафиозна: одиночек почти гарантированно ликвидируют просто из-за конкуренции).

В США если мафиози не сотрудничает со следствием, конфискуется не только его собственное имущество, но и имущество его родственников. Эта жестокая мера ставит вовлеченных в коррупцию перед выбором: рискнуть своей жизнью или обречь семью на бедность (так как «общака» на всех не хватит, да он не для этого и создается). Критически значимая часть преступников выбирает семью и тем самым подрывает власть мафиозных кланов.

Этих двух шагов в принципе достаточно. Все остальное – и действенный, а не фиктивный контроль за расходами и имуществом чиновников, включая презумпцию их виновности при превышении ими доходов, и использование специальных технологий, и пожизненное лишение разоблаченных коррупционеров права преподавать общественные науки и заниматься юриспруденцией, а не только занимать выборные и руководящие должности, – полезно и желательно, но второстепенно.

Указанные две меры необходимы именно потому, что они не требуют для своей реализации невесть откуда взявшихся святых: активизируя механизмы внутренней конкурентной борьбы, они тем самым оздоравливают даже самые гнилые, самые глубоко пораженные коррупцией управленческие организмы (классическим примером служат Нью-Йорк или Рим).

Соответственно, они позволят нам выжить, – конечно, не искоренив коррупцию полностью (она процветает и в Сингапуре), но лишив ее системного характера, то есть исключив главную угрозу – принятие стратегических решений на основе коррупционных устремлений.

То, что при этом Россия получит почти второй бюджет внезапно высвободившихся из паутины преступности средств, окажется на фоне этого достижения лишь незначительным, хотя и приятным бонусом – вроде кэшбека.

Михаил Делягин